

Научная статья

УДК 81.811

doi: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-174-182

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ С С. В. АВКСЕНТЬЕВОЙ)

Ольга Юрьевна Подъяпольская

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, oljapod@mail.ru, 0000-0003-3106-0092

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию репрезентации идентичности политического деятеля на материале интервью с действующим политиком, членом партии и одноименной фракции «Новые люди» в Государственной Думе РФ Сарданой Владимировной Авксентьевой. Актуальность настоящего исследования состоит в описании спектра идентичностей, присущих современному человеку, а также в выявлении средств их объективации. В рамках статьи рассматривается понятие идентичности, её существенные характеристики, в частности, отмечается дуализм, процессуальность, многоуровневый и трансформационный характер данного явления. Описывается особенность социальной самоидентификации, главным мотивом которой выступает самопрезентация с целью создания имиджа. Отмечается, что на речевом уровне экспликация данного процесса может осуществляться как прямым, так и косвенным способом через формулу «я/мы + (как) таксономический предикат (+квалитативный атрибут)». Далее рассматриваются различные типы персональной и коллективной идентичности С. В. Авксентьевой, выявленные в исследуемых интервью (национальная, этническая, профессиональная, территориально-региональная, гендерная, социально-ролевая и пр.), а также языковые средства их объективации. В заключении отмечается, что жанр интервью предоставляет возможность создания имиджа опытного и успешного политика в глазах избирателей путём экспликации социальной самоидентификации последнего. Ведущей в рамках исследуемых интервью является политическая идентичность С. В. Авксентьевой, выступающая своеобразным контекстуальным «обрамлением» для всего спектра идентичностей, присущих политику. Исследуемый материал демонстрирует наличие у политика как достигнутых, так и формирующихся типов идентичности. В частности, в качестве последних можно обозначить сетевую и регионально-территориальную идентичности, которые кроме прочего эксплицируются через формулу «я не + таксономический предикат». «Мы-идентичность» ярко проявлена в рамках политической, национальной и этнической идентичностей С. В. Авксентьевой. «Я-идентичность» составляет основу для профессиональной, статусной, социально-ролевой, гендерной и сетевой идентичностей. Преобладающим способом экспликации всех перечисленных типов идентичностей политика является косвенный способ. Для объективации перечисленных типов идентичности используются разнообразные по своей природе лингвостилистические средства.

Ключевые слова: идентичность, типы идентичности, социальная самоидентификация, достигнутая идентичность, формирующаяся идентичность, «я-идентичность», «мы-идентичность», вербальный маркер идентичности, прямой, косвенный способ объективации идентичности.

Для цитирования: Подъяпольская О. Ю. Репрезентация идентичности политического деятеля (на материале интервью с С. В. Авксентьевой) // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 8 (490). С. 174–182. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-174-182.

Original article

REPRESENTATION OF THE IDENTITY OF A POLITICAL FIGURE (BASED ON AN INTERVIEW WITH S. V. AVKSENTIEVA)

Olga Yu. Podyapolskaya

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, oljapod@mail.ru, 0000-0003-3106-0092

Abstract. This article is devoted to the study of the representation of the identity of a political figure based on an interview with a current politician, a member of the party and the faction of the same name “New People” in the

State Duma of the Russian Federation, Sardana Vladimirovna Avksentyeva. The relevance of this study lies in the description of the spectrum of identities inherent in modern man, as well as in identifying the means of their objectification. The concept of identity, its essential characteristics are considered, in particular, dualism, processuality, multi-level and transformational nature of this phenomenon are noted. The peculiarity of social self-identification is described, the main motive of which is self-presentation for the purpose of creating an image. It is noted that at the speech level, the explication of this process can be carried out both directly and indirectly through the formula “I/We + (as) taxonomic predicate (+qualitative attribute).” Next, various types of personal and collective identity of S. V. are considered. Avksentyeva, identified in the interviews studied (political, national, ethnic, professional, territorial-regional, gender, social-role, etc.), as well as linguistic means of their objectification. In conclusion, it is noted that the interview genre provides an opportunity to create the image of an experienced and successful politician in the eyes of voters by explicating the latter’s social self-identification. The leading one in the interviews being studied is the political identity of S. V. Avksentyeva, acting as a kind of contextual “frame” for the entire spectrum of identities inherent in politics. The material under study demonstrates that the politician has both achieved and emerging types of identity. In particular, the latter can be identified as network and regional-territorial, which, among other things, are explicated through the formula “I am not + taxonomic predicate.” “we-identity” is clearly manifested within the political, national and ethnic identities of S. V. Avksentyeva. “I-identity” forms the basis for professional, status, social-role, gender and network identities. The predominant way of explication all of these types of political identities is indirect. To objectify the listed types of identity, linguistic and stylistic means of various nature are used.

Keywords: identity, types of identity, social self-identification, achieved identity, emerging identity, “I-identity”, “we-identity”, verbal marker of identity, direct, indirect way of objectifying identity

For citation: Podyapolskaya OYu. Representation of the identity of a political figure (based on an interview with S. V. Avksentyeva). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(8(490):174-182. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-174-182

Введение

В современную эпоху постмодернизма с её глобальным и одновременно многоликим миром остро встаёт проблема идентичности каждого отдельного индивида. По мнению американского психолога Кеннета Дж. Гергена, в постмодернистском мире не существует индивидуальная опора, с которой человек связан или которой должен оставаться верен. Собственная идентичность вновь и вновь возникает, перестраивается, меняет направление, пока человек «движется по морю постоянно сменяющихся друг друга отношений» [перевод наш. — *Прим. автора*] [17]. Актуальность настоящего исследования, таким образом, состоит в описании спектра идентичностей, присущих современному человеку, а также в выявлении средств их объективации.

В политической сфере репрезентация идентичности публичного политика нацелена в первую очередь на создание положительного имиджа последнего в глазах избирателей и общественности в целом. В фокусе настоящего исследования находится репрезентация идентичности Сарданы Владимировны Авксентьевой, члена фракции от партии «Новые люди» Государственной Думы РФ. Материал исследования составили тексты четырёх интервью политика, размещённых на сайтах электронных СМИ с 2021 по 2023 гг.

В фокусе исследования находится такой медийный жанр как *интервью-портрет*, представляю-

щий собой беседу от первого лица с персоной, добившейся успехов в определённой общественно значимой сфере [14]. Данный жанр позволяет интервьюируемому раскрыться как личность, в том числе продемонстрировав обширный спектр своих идентичностей посредством ответов на вопросы журналиста.

В качестве методов исследования использовались метод *контекстуального анализа*, предполагающий привлечение к интерпретации исследуемого явления как узкого контекста (ограниченного рамками предложения и текста), так и широкого контекста (предполагающего обращение к социокультурному контексту), а также *метод лингвостилистической интерпретации*, позволяющий выявить лингвостилистические средства объективации того или иного типа идентичности.

К природе понятия «идентичность»

Как отмечает Р. Б. Сапожникова, «в буквальном переводе «identity» имеет два значения: узнавание и отождествление» [11]. Оба этих значения находят отражение в определении идентичности Э. Эриксона, американского психолога, разработавшего данное понятие [15], где узнавание — это субъективное восприятие единства своей личности, её самости и отдельности от других индивидуумов, а отождествление — понимание своей причастности, принадлежности к какой-либо группе. Вопрос о «парадоксальной связи

между двумя этими гранями идентичности» поднимает немецкий историк религии и культуры Я. Ассман. В частности, он отмечает, что индивидуальная идентичность (я-идентичность) «слагивается у отдельного человека благодаря его вовлеченности в модели взаимодействия и коммуникации группы, к которой он принадлежит <...> Коллективная, или мы-идентичность, не существует вне индивидуумов, которые образуют и воплощают это «мы»» [1].

Рассматривая другие сущностные характеристики данного явления, отметим также его многоуровневый, а также трансформационный характер. Идентичность — это структура, которая может развиваться на протяжении всей жизни индивидуума «в прогрессивном или регрессивном направлениях, то есть может быть «успешной» (позитивной) или «негативной» (индивид отклоняет любые взаимодействия)» [3]. А. И. Ковалева выделяет *наипростейшую, формирующуюся, и достигнутую* идентичности [5]. «Наипростейшая идентичность осознаётся человеком в детском возрасте на первичной стадии социализации по элементарным физическим данным». Формирующаяся идентичность представляет собой «развёрнутый процесс социализации по освоению индивидом социальных норм и культурных ценностей, обладание которыми необходимо носителю желаемой идентичности» [Там же]. Достигнутая идентичность «представляет собой наиболее высокий уровень социальной идентичности, обретенной индивидом, когда человек знает, кто он и чего он хочет» [Там же].

Формирование идентичности (как некоего результата) происходит в процессе самоидентификации, под которой И. В. Лысак понимает «процесс формирования человеком представления о себе самом как о самотождественной, цельной и уникальной личности» [8] с определённым набором разного рода качеств: как физических, так и моральных. Мы в свою очередь, вслед за Л. В. Кривых, отметим, что данный процесс предполагает также и осознание себя как части определённой социальной общности: «Любая идентичность предполагает акты самоидентификации: проекцию внутренней личностной структуры в мир. При этом можно ощущать себя либо автономно самодостаточным (Я есть Я), либо частью некоей целостности (Я есть часть Мы)» [6]. Данное утверждение вполне созвучно содержанию понятия идентичности Э. Эриксона, а также отражает два воплощения явления самоидентификации, представляющего собой как процесс

формирования идентичности, так и результат данного процесса.

Далее следует разграничить *личностную самоидентификацию*, мотивом которой, по мнению Ю. В. Звонаревой, является самопознание (попытка осознать свою уникальность как личности, самооценка), и *социальную самоидентификацию*, мотивом которой является создание имиджа в глазах окружающих через самопрезентацию [4]. Последнее является особенно важным для политического деятеля, стремящегося таким образом привлечь на свою сторону максимальное количество сторонников и избирателей. Имидж, как отмечает Д. А. Щитова — это «долговременная ролевая маска», которая «надевается» кем-либо для достижения популярности, завоевания внимания, поддержания общественного интереса к своей персоне, достижения целей» [14].

Как отмечает Л. А. Лаппо, процесс самоидентификации может маркироваться в речи индивидуума прямым и косвенным способом [7]. По определению И. В. Шалиной, *прямой способ* представляет собой использование формулы «Имя (местоимение) + характеризующий/таксономический предикат» [13]. Таксономический предикат (наименования лиц по профессии, роду занятий, политической и идеологической принадлежности и пр.) обозначает принадлежность индивида к какой-либо группе, в то время как характеризующий предикат содержит определённого рода оценку объекта номинации [13]. Мы расширим данную формулу с помощью союза *как*, поскольку считаем, что конструкция «я/мы + (как) таксономический предикат» (*я как женщина*) также достаточно эксплицитно маркирует идентичность индивида, в том числе причисляя его к определённой общности. При *косвенном способе* объективации (по М. А. Лаппо) «имеет место либо переносное использование элементов «самоидентификационной формулы» <...>, либо «самоидентификационная формула» является результатом выводного знания, т. е. она достраивается адресатом самостоятельно, на основе имеющихся у него знаний о мире» [7]. В более раннем исследовании мы сформулировали следующее определение вербальных маркеров самоидентификации, под которыми «мы понимаем различные по объёму языковые единицы (слово, словосочетание, устойчивое выражение и пр.), выполняющие функцию таксономического и/или характеризующего предиката, который прямо или косвенно объективирует в речи тот или иной вид идентичности» [9].

Репрезентация идентичности С. В. Авксентьевой

Поскольку Сардана Владимировна Авксентьева является публичной личностью и действующим политиком, без сомнения нацеленным на создание положительного имиджа в глазах сторонников и избирателей, мы можем утверждать, что в исследуемых интервью эксплицирована преимущественно *социальная самоидентификация*, которая отражает целый набор её идентичностей: политическую, национальную, этническую, профессиональную, гендерную и др.

На речевом уровне экспликация данного процесса может осуществляться как прямым, так и косвенным способом через формулу «я/мы + (как) таксономический предикат (+квалитативный атрибут)». Квалитативный атрибут в данном случае расширяет идентификационную формулу, привнося в неё оценочный компонент.

Все перечисленные выше виды идентичности С. В. Авксентьевой были в той или иной мере эксплицированы в исследуемых интервью в рамках как персональной идентичности («я-идентичность»), так и коллективной / групповой её разновидности («мы-идентичность»). Наиболее ярко в исследованных нами интервью представлена *политическая идентичность* С. В. Авксентьевой, которая подробно была описана нами в более раннем исследовании [9]. Отметим только, что данная разновидность идентичности в подавляющем большинстве случаев эксплицирована в виде «мы-идентичности». В рамках настоящей статьи мы обратимся к исследованию других разновидностей социальной идентичности данного политика.

Так в интервью находит репрезентацию *национальная идентичность* политика, которую, по определению В. Р. Манаковой, можно описать как «чувство принадлежности к тому или иному государству» [16]. В данном случае речь идет о Российской Федерации. В интервью изданию «БИЗНЕС Online» С. В. Авксентьева поднимает важные вопросы этнической и региональной самоидентификации, межэтнических конфликтов: (1) «В этом смысле межнациональный мир и согласие в Якутии незыблемы, и на этом *наша республика* держится» [«БИЗНЕС Online»]; (2) «У нас в Якутии в своё время тоже был президент житель Якутии. <...> Когда мы говорим на языке саха, он для нас Ил Дархан» [«БИЗНЕС Online»]; (3) «Мы часть России, якуты — россияне, и точка» [«БИЗНЕС Online»]. В представленных примерах наряду с национальной представлены эт-

ническая и регионально-территориальная «мы-идентичность». Языковыми маркерами перечисленных видов идентичности в тексте интервью выступают инклюзивное *мы (наш)* и таксономические предикаты «*россияне*», «*якуты*», «*житель Якутска*» (прямой способ объективации). Кроме того, используются и косвенные способы объективации через словосочетания «*наша республика*», «*у нас в Якутии*», «*мы часть России*» (= *мы – якуты, жители республики, россияне*). Как видно из примера (2), политик упоминает и такие составляющие этнической идентичности как язык, историю и этнический колорит. Последний обозначен как «*национальный колорит*», однако в контексте интервью становится понятным, что имеется в виду отдельный этнос — якуты, составляющий часть более широкого образования — нации, а именно — россияне.

Интересным представляется тот факт, что этническая и региональная самоидентификация С. В. Авксентьевой в некоторых случаях эксплицируется через прямое или косвенное отрицание какой-либо идентичности, контекстно связанной с перечисленными выше. Так, например, через формулу «я не + таксономический предикат» «я не русский человек» [«БИЗНЕС Online»] она подчёркивает свою этническую «я-идентичность».

Свой недавний статус жителя Московской области интервьюируемая иронично характеризует с помощью своеобразного этнохоронима «*замкадыш*» с уничижительной окраской, выступающего в функции таксономического предиката. Квалитативный атрибут «*принципиальный*» (= я *принципиальный замкадыш*), придающий высказыванию ироничную окраску за счёт стилистического контраста, акцентируется с помощью парцелляции: «Но по утрам и вечерам мне удобнее на метро. <...> Я ж «*замкадыш*». *Принципиальный*» [«БИЗНЕС Online»].

Рассмотрим ещё один интересный пример, демонстрирующий как «я-идентичность», так и «мы-идентичность» С. В. Авксентьевой. В интервью «БИЗНЕС Online», описывая планы на празднование новогоднего праздника, она вновь иронизирует по поводу своего статуса некоренной москвички с помощью косвенного отрицания регионально-территориальной идентичности «*мы будем изображать москвичей*» (= *мы (я и муж) ненастоящие, некоренные москвичи*). ЪЛексемы *трудоустрой* и *гастарбайтер*, являющиеся таксономическими предикатами («в Москве я *гастарбайтер*, в некоторой степени *трудоустрой*») [«БИЗНЕС Online»],

представляют собой прямой способ самоидентификации политика. Отметим, что заимствованная из немецкого языка лексема гастарбайтер приобрела в русском языке уничижительную окраску [10] и в описываемом контексте подчеркивает неустойчивость статуса интервьюируемой как местной жительницы. Из вышесказанного можно сделать вывод, что актуальная регионально-территориальная идентичность политика находится в стадии формирования (*формирующаяся идентичность*). Кроме того, с нашей точки зрения, посредством перечисленных выше маркеров идентичности политик подчёркивает преданность своему этносу и региону, откуда она родом, а также дистанцируется от элиты и коренных москвичей, что позволяет ей акцентировать близость к простым гражданам, своим избирателям, и его нуждам.

В следующих далее примерах эксплицирована профессиональная идентичность С. В. Авксентьевой как профессионального историка. Данный тип идентичности представлен исключительно в виде «я-идентичности», объективированной с помощью личного местоимения 1-ого лица ед.ч.с. (1) «*Как историк я придерживаюсь позиции <...>*» [«ВФМ.ru»]; (2) «*Здесь я включаю режим нудного историка*» [«БИЗНЕС Online»]. В первом примере (1) профессиональная идентичность эксплицитно маркирована конструкцией «я + как + таксономический предикат (*наименование лица по профессии*)». Во втором примере (2) мы наблюдаем использование косвенного способа репрезентации профессиональной идентичности. Размышляя об очередном законе, Сардана Владимировна использует иронию в виде метафоры «*включить режим нудного историка*» (*я = нудный историк*), чтобы обосновать свою позицию. Ироничная окраска в данном случае создаётся качественным атрибутом «*нудный*» (пейоративная оценка), с помощью которого в свою очередь осуществляется самопрезентация политика как человека, способного критично относиться к своим недостаткам.

Далее отметим, что в интервью политика широко представлена социальная самоидентификация, связанная с её деятельностью в качестве государственного и муниципального служащего. В определённой мере мы можем данный тип идентичности также обозначить как *профессиональную идентичность*, поскольку она предполагает наличие у индивида соответствующего уровня образования (в том числе профессионального) и профессиональных компетенций, которые

определяют его мировоззрение и личностные качества. В исследуемых интервью данный вид профессиональной идентичности связан с прошлым политика, но не утратил для неё свою актуальность и может, таким образом, быть обозначен как *достигнутая идентичность*: (1) «*Я <...> всю жизнь на службе: на государственной службе, на муниципальной службе, я была и чиновником, и избранным мэром*» [«ВФМ.ru»]; (2) «*Я, как в свое время избранный мэр города Якутска*» [«Комсомольская правда. Якутия»]; (3) «*Я <...> законопроекты по-прежнему рассматриваю с позиции мэра среднего российского города*» [«БИЗНЕС Online»].

В приведённых цитатах Сардана Владимировна достаточно эксплицитно заявляет о своей идентичности через использование конструкций «я была + таксономический предикат («я была чиновником, избранным мэром») и «я как + таксономический предикат + качественный атрибут» («я, как <...> избранный мэр Якутска»). Как видим, данная самоидентификация является достаточно актуальной для политика и в настоящий момент, что подчеркивается с помощью языковых средств с темпоральным значением (выражение «*всю жизнь на службе*», наречие «*по-прежнему*») и обстоятельства образа действия «*с позиции мэра*» в сочетании с определением «*среднего российского города*», под которым и понимается город Якутск.

Следует отметить, что, позиционируя себя как мэр, чиновник, член партии, депутат Государственной Думы РФ, С. В. Авксентьева также актуализирует свою *статусную идентичность*, приобретённую ей в результате долгой и успешной карьеры.

Все предыдущие рассмотренные нами виды социальной самоидентификации касались общественной и профессиональной деятельности Сарданы Владимировны. Однако в её интервью ярко представлены и другие типы идентичности, характеризующие её как женщину (в том числе определенного возраста), дочь, жену, маму, бабушку. Например, в её интервью отражена *семейно-ролевая идентичность*, связанная с ролью жены, мамы, дочери, домохозяйки. В данном типе идентичности проявлена также *гендерная идентичность*, демонстрирующая набор типичных социальных ролей, приписываемых женщине в российском обществе.

Так гендерная идентичность объективирована в следующем примере, где Сардана Владимировна заявляет о том, что пишет все свои посты

в социальных сетях лично, но сначала показывает их мужу. Гендерная идентичность в данном случае выражается с помощью конструкции «*мне как женщине*» (= я – женщина), а также через описание маскулинных качеств, которые, как можно предположить из контекста, присущи её мужу и которых не хватает ей как женщине: «Потому что *мне важно мужское восприятие, холодный ум как женщине*» [«Номер один_»]. Следующий пример содержит косвенную экспликацию гендерной идентичности Сарданы Владимировны в её коллективном проявлении через употребление существительного «*женщины*» во множественном числе и местоимения «*нам*» (инклюзивное *мы*): «*Женщины знают, что по утрам нам совсем не до чтения*» [«Номер один_»].

В этом же интервью Сардана Владимировна использует свою семейно-ролевую идентичность, чтобы обосновать позицию по вопросу несанкционированных митингов, которую она эксплицирует с помощью сравнительной конструкции «*размышляю как мама*» (= я — мама, косвенный способ объективации): «Зато конкретные люди бы пострадали. <...> *Я размышляю как мама*» [«Номер один_»].

В интервью СМИ «Номер один_» представлены сразу несколько видов семейно-ролевой идентичности, а именно — домохозяйки, мамы и жёны. В частности, политик «*считает*», что забота женщины о домашнем хозяйстве (стирка, приготовление пищи, наведение порядка в доме) «*эмоционально очищает*» [«Номер один_»]. «Во-вторых, *никто не будет заботиться о твоей семье так, как ты*. <...> Тем более что сейчас дети уже выросли, *мы с мужем вдвоем, особенных хлопот нет*» [«Номер один_»]. Все три разновидности идентичности выражены косвенно. Первый — через глагол мнения «*считаю*», описание обязанностей домохозяйки и их положительную оценку («*это эмоционально очищает*»). Использование лексемы с положительной коннотацией «*заботиться*», обобщающей конструкции «*никто так, как ты*» (ты с обобщающим значением = никто так, как любая женщина / жена), транслируют принятие традиционной роли домохозяйки. Упоминание детей эксплицирует идентичность интервьюируемой как мамы, фраза «*с мужем вдвоём*» — роль жены:

Ещё один вид семейно-ролевой идентичности, выявленной нами в интервью — это самоидентификация политика как дочери советского офицера: (1) «Горжусь тем, что *я дочь советского офицера*» [«Номер один_»]; (2) «*Как дочь советского*

офицера я, конечно, понимаю, что такое вопросы обороны» [«БИЗНЕС Online»]. Как нам видится, таким образом С. В. Авксентьева характеризует себя как личность, воспитанную в определённой атмосфере, связанной с профессиональным родом деятельности отца-военнослужащего, и добавляет положительные коннотации в свой имидж политика, поскольку, как видно из примера (2) подчёркивает свою компетентность в определённого рода вопросах. В обоих примерах представлены прямые способы объективации (я – (как) + таксономический предикат + качественная атрибуция).

Кроме того, в своих интервью Сардана Владимировна намекает на свой зрелый возраст и косвенным образом объективирует свою *возрастную идентичность* в речи: в цитате (1) — с помощью причастного оборота («*человек, прошедший полувековой путь*»), в цитате (2) — через метафору «*прелесть моего возраста*»: (1) «*Как человек, прошедший полувековой путь*, я понимаю, что революции откидывают страну очень сильно назад» [«Номер один_»]; (2) «*Как сказал один мой наставник, «эти кабинеты сломили не один вольный дух, держись»*. Но, к счастью, — и в этом *прелесть моего возраста — я состоявшийся человек*» (интервью «БИЗНЕС Online»). Утверждение «*я состоявшийся человек*» через объективацию сформировавшейся *статусной идентичности* усиливает образ умудренного опытом политика, что, безусловно, работает на создание положительного имиджа в глазах избирателей и сторонников политика.

И наконец, отметим ещё одно проявление идентичности С. В. Авксентьевой как человека публичного, а именно её самоидентификацию в качестве блогера (у Сарданы Владимировны есть блог в социальной сети ВКонтакте). Данный тип идентичности представляет собой так называемую *сетевую идентичность* [12]. Сетевая идентичность проявляется через конструирование так называемого «цифрового имиджа», целью которого является, по мнению И. В. Фроловой, создание некоего виртуального образа индивида, стремящегося представить последнего в наиболее привлекательном свете [Там же]. Особенностью сетевой идентичности С. В. Авксентьевой как публичного человека является тот факт, что она отражает её реальную («аутентичную»), а не вымышленную («фикциональную») личность (последнее, как мы знаем, допускает данная сфера коммуникации). Политик ведёт блог под своими реальными именем и фамилией, выступает от первого лица, т. е. проецирует свою

реальную идентичность в виртуальную среду. Стоит также отметить, что данный тип идентичности находится в стадии формирования, что Сардана Владимировна в ответе на вопрос журналиста подчёркивает с помощью окказионализма «*полублогер*», а также с помощью прямой формулы, содержащей отрицательную самоидентификацию «*я не + таксономический предикат*» («*я не совсем блогер*»), смягчённую наречием «*совсем*» со значением меры: «*Никогда не предполагала, что к 50 годам стану полублогером. Я все-таки не совсем блогер — потому что профессиональные блогеры на этом зарабатывают*» [«БИЗНЕСOnline»].

Следует заметить, что сетевая идентичность также находится в подчинённом отношении к политической, поскольку С. В. Авксентьева ведёт свой блог, прежде всего позиционируя себя в нём как публичный политик. В частности, большая часть постов в её блоге посвящены описанию законодательной деятельности как самой Сарданы Владимировны в стенах Государственной Думы РФ, так и деятельности партии «Новые люди», членом которой она является. Отметим, что, с нашей точки зрения, эргоним, представляющий собой название партии, является косвенным способом выражения коллективной идентичности её членов и может быть эксплицирован при помощи идентификационной формулы «*мы — партия новых людей*», т. е. партия несущая свежие, прогрессивные идеи.

Выводы

В ходе исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Жанр интервью предоставляет С. В. Авксентьевой как публичному политику возможность

продемонстрировать большой спектр своих идентичностей, что способствует созданию имиджа опытного, успешного общественного деятеля, идейно близкого своим избирателям, личности состоявшейся, придерживающейся традиционных ценностей, таких как — любовь к родине (в том числе малой), принятие традиционной роли жены и матери, поддержание семейных традиций.

2. Ведущей в рамках исследуемых интервью является политическая идентичность С. В. Авксентьевой, выступающая своеобразным контекстуальным «обрамлением» для всего спектра идентичностей, присущих политику.

3. Исследуемый материал демонстрирует наличие у политика как достигнутых, так и формирующихся видов идентичности. В частности, в качестве последних можно обозначить сетевую и регионально-территориальную, которые кроме прочего эксплицируются через формулу «*я не + таксономический предикат*».

4. Все перечисленные виды идентичности воплощены как в виде «*мы-идентичности*» (маркер — инклюзивное *мы*), так и «*я-идентичности*» (маркер — личное местоимение *я*), вписанными в формулу «*я/мы + (как) таксономический предикат (+квалитативный атрибут)*» с преобладанием косвенного способа её экспликации. «*Мы-идентичность*» ярко проявлена в рамках политической, национальной и этнической идентичностей С. В. Авксентьевой. «*Я-идентичность*» составляет основу для профессиональной, статусной, социально-ролевой, гендерной и сетевой идентичностей. Для объективации перечисленных видов идентичности используются разнообразные по своей природе лингвостилистические средства.

Список источников

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Дагаева Е. Л. Корпоративная идентичность: понятие, структура, механизмы формирования // Вестник Таганрогского института управления и экономики: Современные проблемы коммуникации. 2008. № 2. С. 45–48.
3. Жаде З. А., Куква Е. С., Ляушева С. А., Шадже А. Ю. Многоуровневая идентичность. М. : Российское философское общество; Майкоп: ООО «Качество», 2006. 245 с.
4. Звонарева Ю. В. Лингвистические средства идентификации личности в литературной автобиографии: автореф. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2013. 124 с.
5. Ковалева А. И. Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации // Знание. Понимание. Умение. М. : Московский гуманитарный университет. 2019. № 4. С. 89–103.
6. Кривых Л. В. Символический мир как основа самоидентификации // Политико-философский ежегодник. Вып. 2. 2009. С. 130–140.

7. Лаппо М. А. Сущность идентичности и методы ее анализа в лингвистических/психолингвистических исследованиях // Вопросы психолингвистики. 2014. 1 (19). С. 30–39.
8. Лысак И. В. Особенности самоидентификации человека в условиях современного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 6. С. 37–42.
9. Подъяпольская О. Ю. Репрезентация политической идентичности публичного политика (на материале интервью Сарданы Авксентьевой) // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности: Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции. Москва, 21 августа 2023. Махачкала: Издательство АЛЕФ. С. 227–236.
10. Сагирян И. Г., Кузина С. И., Краснова Е. А. Лексема «гастарбайтер» как средство унижения чести и достоинства личности // Наука и образование: Хозяйство и экономика; Предпринимательство; Право и управление. Учредители: Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области. 2021. № 10 (137). С.90–93.
11. Сапожникова Р. Б. Анализ понятия «Идентичность»: теоретические и практические основания // Вестник ТГПУ, 2005. Выпуск 1 (45). Серия: Психология. С. 13–17.
12. Фролова И. В. Сетевая идентичность современного человека: философская рефлексия // Ценности и смыслы. АНОО «Институт эффективных технологий» (Москва), 2024, № 2 (90). С.26–38
13. Шалина И. В. Уральское городское просторечие как лингвокультурный феномен: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2010. 43 с.
14. Щитова Д. А. Интервью как способ создания имиджа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4 (20). С.146–153.
15. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. Москва: Прогресс, 1996. 344 с.
16. Янакова В. Р. Политическая идентичность: концептуализация понятия // Социально-политические науки. 2017. № 5. С.18–23.
17. Gergen K.J. Das übersättigte Selbst // Identitätsprobleme im heutigen Leben: Taschenbuch 1. Januar 1996. Auer : Heidelberg, 1996. 422 s.

References

1. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti = Cultural memory. Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury; 2004. 368 p. (In Russ).
2. Dagayeva YeL. Corporate identity: concept, structure, mechanisms of formation. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki: Sovremennyye problemy kommunikatsii = Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics: Modern problems of communication*. 2008;(2):45-48. (In Russ).
3. Zhade ZA, Kukva YeS., Lyausheva S.A., A.YU. Shadzhe Mnogourovnevaya identichnost' = Multilevel identity. Moscow: Rossiyskoye filosofskoye obshchestvo; Maykop: ООО «Kachestvo»; 2006. 245 p. (In Russ).
4. Zvonareva YuV. Lingvisticheskiye sredstva identifikatsii lichnosti v literaturnoy avtobiografii = Linguistic means of personal identification in literary autobiography. Theses. Chelyabinsk; 2013. 124 p. (In Russ).
5. Kovaleva AI. Varieties of social identity: approaches to classification. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye = Knowledge. Understanding. Skill*. Moscow: Moskovskiy gumanitarnyy universitet; 2019;(4):89-103. (In Russ).
6. Krivykh LV. The symbolic world as the basis of self-identification. *Politiko-filosofskiy yezhegodnik = Political and philosophical yearbook*. 2009;(2):130-140. (In Russ).
7. Lappo MA. The essence of identity and methods of its analysis in linguistic/psycholinguistic research. *Voprosy psikholingvistiki = Questions of psycholinguistics*. 2014;(1-19):30-39. (In Russ).
8. Lysak IV. Features of human self-identification in the conditions of modern society. *Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki = Humanitarian and socio-economic sciences*. 2008;(6):37-42. (In Russ).
9. Pod'yapol'skaya OYu. Representation of the political identity of a public politician (based on an interview with Sardana Avksentieva). *Vyzovy sovremennosti i strategii razvitiya obshchestva v usloviyakh novoy real'nosti = Challenges of modernity and strategies for the development of society in the new reality: results of the XIX International Scientific and Practical Conference, 21 August 2023, Moscow*. Makhachkala: Izdatel'stvo ALEF; 2023; p. 227-236. (In Russ).
10. Sagiryani IG, Kuzina SI, Krasnova YeA. The lexeme “guest worker” as a means of humiliating the honor and dignity of an individual. *Nauka i obrazovaniye: Khozyaystvo i ekonomika; Predprinimatel'stvo;*

Pravo i upravleniye = Science and education: Economy and economics; Entrepreneurship; Law and management. Founders: Foundation for Support of Education and Science in the Rostov Region. 2021;(10-137):90-93. (In Russ).

11. Sapozhnikova RB. Analysis of the concept “Identity”: theoretical and practical foundations. *Vestnik TGPU = Bulletin of TSPU, Series: Psychology*. 2005;(1-45):13-17. (In Russ).

12. Frolova IV. Network identity of modern man: philosophical reflection. *Tsennosti i smysly = Values and meanings*. ANOO «Institute of Effective Technologies» (Moscow). 2024;(2-90):26-38. (In Russ).

13. Shalina IV. Ural'skoye gorodskoye prostorechiye kak lingvokul'turnyy fenomen = Ural urban vernacular as a linguocultural phenomenon. Abstract of theses. Ekaterinburg; 2010. 43 p. (In Russ).

14. Shchitova DA. Interview as a way to create an image. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philology. Filologiya*. 2012;(4-20):146-153. (In Russ).

15. Erickson E. Identichnost': yunost' i krizis = Identity: youth and crisis. Moscow: Progress; 1996. 344 p. (In Russ).

16. Yanakova VR. Political identity: conceptualization of the concept. *Sotsial'no-politicheskiye nauki = Socio-political sciences*. 2017; (5):18-23. (In Russ).

17. Gergen K.J. Das übersättigte Selbst = The oversaturated self. Identitätsprobleme im heutigen Leben. Taschenbuch 1. Januar 1996 = Identity problems in contemporary life: paperback 1 January 1996. Auer: Heidelberg; 1996. 422 p. (In Germ).

Информация об авторе

О. Ю. Подъяпольская — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации

Information about the author

O. Yu. Podyapolskaya — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Romance and Germanic Languages and Intercultural Communication.

Статья поступила в редакцию 19.06.2024; одобрена после рецензирования 28.08.2024; принята к публикации 24.09.2024.

The article was submitted 19.06.2024; approved after reviewing 28.08.2024; accepted for publication 24.09.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.